

В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬБОМ ХУДОЖНИКА ДМИТРИЯ МОЩЕВИТИНА

"Время — вещь необычайно длинная, — были времена — прошли былинные" Владимир Маяковский

ЕСТЬ ХУДОЖНИКИ, формирующие направления и моду, — они идут на полшага вперёд и считают настроение толпы, и потому становятся родоначальниками стилей. Бывают гении, значительно опережающие время, — те живут и умирают незамеченными, а через много лет их картины продают на аукционах за миллионы долларов. Есть честные и возвышенные ретрорады, видящие в новом угрозу для вековой гармонии. Эти — возрождают греческую античность или русский лубок, иной раз безуспешно. Впрочем, самое выразительное в искусстве делают мастера, идущие в ногу со своей эпохой.

Передо мной замечательный фоліант (Дмитрий Павлович Мощевитин 1894-1974. Жизнь и творчество. — Казань: Заман, 2020. — 256 с.) с картинками, рисунками, иллюстрациями художника, чьи обложки к детским книгам я помню с того момента, как начала собирать антиварную литературу. Почерк Мощевитина уникален и типичен. Его путь вписывается в нашу коллективную биографию и оттого ещё более интересен. Но есть и личное — жизнь Мощевитина в разные годы была связана с подмосковным городком Перово, ставшим впоследствии московской окраиной, куда мы переехали в 1970-х.

Однако истоки — это провинциальный и тихий Сарапул, где на излёте "века железного" родился Дмитрий Мощевитин. "Отец наш был скитальцем", — констатировал он, имея в виду не маргинальное шатание по стране, а извивы судьбы. Отец художника был мастеровым, кирпичником. Крепкий семьянин, а потому сыну дал хорошее

среднее образование, заценив способности отпрыска и позволив учиться дальше. Не на инженера или адвоката — на живописца! В Сарапуле — негде. Казань — вот была жемчужина евразийской цивилизации, где, как в плавильном котле, смешивались языки, рифмы, цвета, ароматы. "Осенью 1911 года с тревогой добровольно обрёкшего себя служению искусству, я впервые открыл массивную дверь Казанской художественной школы и благоговейно вошёл туда, как в храм", — вспоминал Мощевитин.

Казанская "художка" славилась преподавателями: здесь царили Павел Бенюков и Николай Фешин, два корифея русского импрессионизма, надолго забытые, но, по счастью, не окончательно. Их начали активно вспоминать последние десять лет. Забавно, что перед тем, как получить альбом Мощевитина, я побывала на серьёзной выставке Николая Фешина в Третьяковской галерее.

Учёба давалась нелегко — всё тот же Фешин мог исполюсовать законченную работу студента чёрными линиями с рефреном: "Надо сначала прорисовать, а потом писать красками". Несмотря на строгость оценок и частое "срезание" на экзаменах, тут процветал относительный демократизм, что было невозможно в московских и петербургских вузах. Мощевитин уже работает на заказ — его опыты 1910-х совершено в духе Обри Бёрдслея, одного из отцов-основателей модерна. Изысканная линейность и чёрно-белый ритм! Профи-реалисты высмеивали манеру Бёрдслея за "дешёвую красоту", но молодёжь хотела ему подражать. Он был эпатажен, болен, прожил всего двадцать пять лет — идеальная биография для настоящего декадента. В живописных работах Мощевитина появляется нечто врубелевское. В

эскизах для театральных постановок — бакстовские мотивы. Вместе с тем вырабатывается своё, узнаваемое.

Революция и Гражданская война спутали все карты. Или расчистили новые, неведомые пути? В Казани орудовали и красные, и белые — обе враждующие стороны были одинаково привлекательны и едино чудовищны: не бывает правых и виноватых в братоубийстве. Мощевитин оказывается... в Омске, где рисует плакаты и обложки для вотчины господина Колчака — невероятно харизматичной, трагической фигуры. Тут выходит газета "Утро Сибири", а местные издательства "пашут" под эгидой Русского бюро печати. Мощевитину заказывают иллюстрации к Эдгару По и Оскару Уайлду — писателям, к коим художник будет обращаться всю жизнь. Забавен карикатурный рисунок к рассказу По "Король Чума", где главгерой — Чума изображён с физиономией Льва Троцкого. Но уже через пару лет Дмитрий Павлович действует в красноармейском заведении Новониколаевска. Так в анкетах появилась спастельная запись: "Служил в Красной Армии". Стоит ли осуждать Мощевитина за политическую всеядность и метания? Полагаю, нет. Люди пребывали в растерянности, пытались выжить. Творческим единицам приходилось хуже иных: они во все века зависят от клиентуры. Нет заказов — нет хлеба. Плакатно-лозунговая практика — благо для всякого мастера. От него требуется выпустить осмысленную и при этом броскую вещь — символ в кратчайшие сроки.

При большевиках в Новониколаевске открывается крупнейшая в регионе студия рисования и живописи. Мощевитин становится главой этого объединения и автором зазывающего плаката: юноша в античном одеянии держит факел, а за спиной у него солнечный диск. И цитата из Джона Рёскина: "Жизнь без труда — воровство. Труд без искусства — варварство". Советская парадигма ещё складывалась, а конструктивисты и футуристы лишь соперничали с умеренными неоклассицистами.

Античная романтика была популярна на рубеже 1910-х–1920-х годов: открывались школы псевдоантичного танца в стиле Айседоры Дункан, питерский зодчий Иван Фомин предлагал "красную дорину", а его московский коллега Иван Жолтовский утверждал, что ярый авангардизм — временное явление, в чём оказался прав. Плакаты и афиши Мощевитина тоже несут на себе отпечаток этой моды на эплинскую лапидарность. Параллельно идёт кристаллизация нового общемирового стиля, названного впоследствии Ар-деко, — у художника, работавшего в Сибири (а не в Париже, что характерно), вдруг появляются плоско-ломаные линии и острые "сплохои" взамен извилистых "лиан" уходящего модерна. Подсмотреть смену течений в 1922 году Мощевитин никак не мог — он сам поймал эту волну, будучи невообразимо чувствительным.

В том же году он решил покорить Москву, обосновался в Перово и, как повествует в своих мемуарах: "Навсегда стал москвичом". Столица не встретила его с распростёртыми объятиями — художник, чьи работы восторгали и красных, и белых, вкалывал по подённому рабочим, но счетоводом. Фортуна подкинула ему случайную встречу с бывшим одноклассником, Сашей Григорьевым. Тот уже заделался видным функционером и без колебаний пристроил Мощевитина в МОПР и АХРР — тогдашняя эпоха благоволила к телеграфному духу и жёстким аббревиатурам. "Ни былин, ни эпосов, ни эпопей. Телеграммой лети, строфа!" — громово кричал Владимир Маяковский.

Горячая страда! В 1920-х Мощевитин сотрудничал с целым рядом издательств и СМИ. Он рисует плакаты, афиши, рекламу. Сам Маяковский подвизался в этих отраслях как художник, да и вообще, господствовал тезис о том, что искусство будущего — это синтез, и живописец не должен замыкаться в своей мастерской, но быть

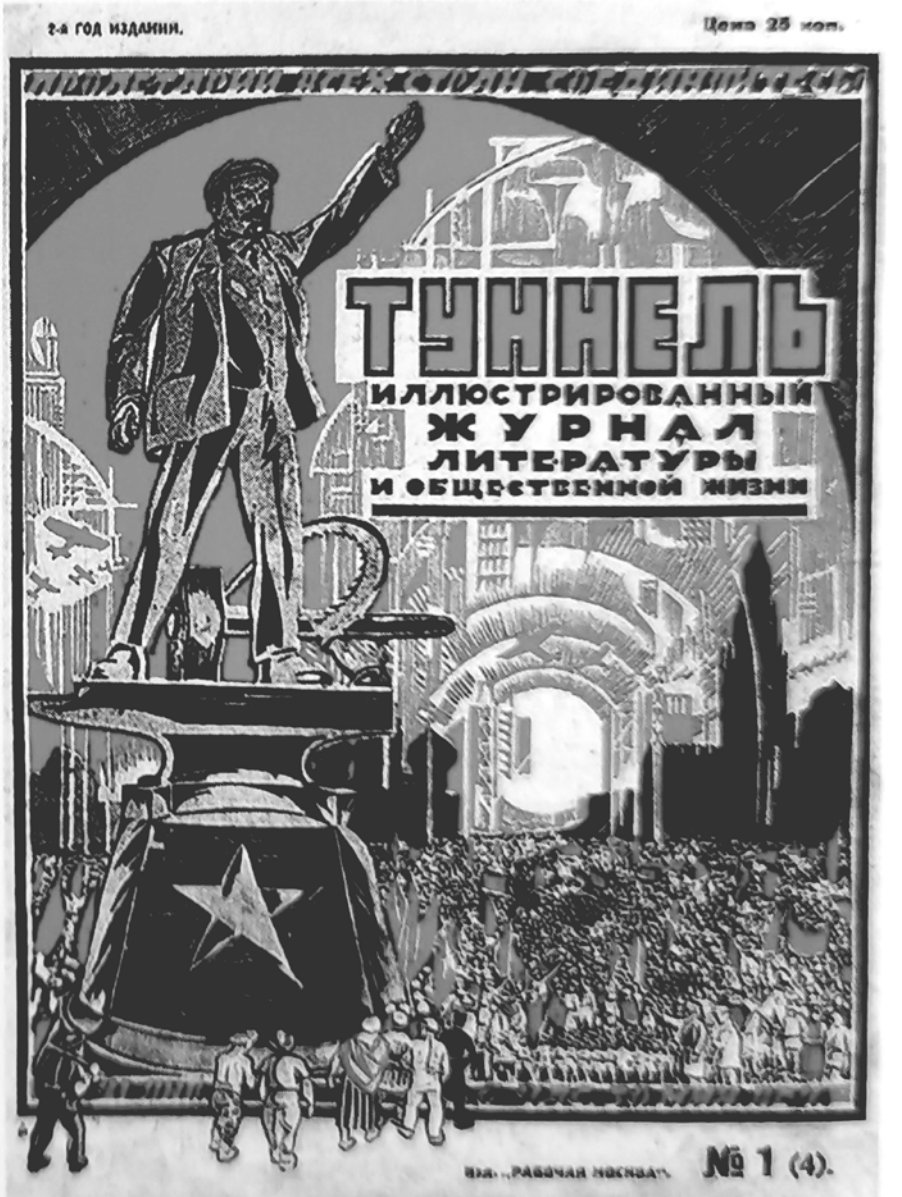
плакатистом, поэтом, фотографом. И — артистом. Так, в кинофильмах "Железная бригада" и "Крупная неприятность" Мощевитин являет простонародные образы, будучи глубоким интеллектуалом. "Твори, выдумывай, пробуй!" — зывал поэт-глашатай, а у Мощевитина появляются фантастические рисунки для детских книг. Сделать чтение привлекательным для подростка или малыша — это особый дар. Иллюстрации Мощевитина и по сию пору считаются классикой жанра. Наркомпрос, да и общество в целом трудились над воспитанием подрастающих поколений. Писалось, что главное — это не упустить ребёнка и дать ему всё лучшее. Отсюда книжный бум и привлечение знатных профессионалов — иллюстраторов.

У Мощевитина проявляются и конструктивистские формы: он легко схватывает всё актуальное, выдавая отличный результат. Его логотипы и виньетки — дизайнерские шедевры. Соединение букв и шестерёнок, деталей машин, проводов, колёс — индустриально-аграрная эстетика "ревуших двадцатых". Как и большинство его коллег в СССР и на Западе, художник пробует себя в орнаменталистике — супрематические композиции могли быть использованы для тканей, оформления книжных форзацев или обучения ВХУТЕМАСовцев понятиям "ритм" и "цвет". Дивны и карикатуры на спекулянтов, модниц, напманов (или как тогда их называли — нэпачей): отменный рисовальщик — всегда гений карикатуры — он умеет схватывать важную деталь и доводить её до смешного абсурда.

В 1930-х трансформировались вкусы: на смену бешеной динамике и авангардному эксперименту пришла увесистая классика. У Мощевитина появляются лирические акварели с нотками импрессионизма: Абрамцево, река Воря, московские дворики, зелень, дети. Он и сам уже — муж, отец. По-прежнему востребован как иллюстратор, но изменились герои книг. Если в 1920-х было много "реализма": повести о том, как пионеры помогали в деревне, стихи о производстве мебели и реставрации старых книг, рассказы о животных, то в 1930-х на первое место вышли народные сказки и произведения русских классиков XIX столетия. Из небытия вернулись царевны в кокошниках, богатыри, светские барышни с тугими локонами и — опричник Кирибеевич из лермонтовской поэмы. Работы Мощевитина к "Песне про царя Ивана Васильевича..." — тонкая грань между резкими линиями 1920-х и неоклассической мягкостью. Ближайший аналог в искусстве — кинофильм Сергея Эйзенштейна "Иван Грозный", где пронзительная жёсткость Ар-деко соединяется с бархатно-жемчужной лепотой позднего Ренессанса. Тема Ивана Грозного в ходу, ибо Сталин ищет себе опору в тысячелетней истории России.

Потом — война, эвакуация, возвращение в Перово по вызову Воениздата, а затем — уже после войны — переселение в подмосковную Истру. Мощевитин — один из ведущих шрифтовиков, создаёт обложки для журналов, книг и брошюр издательства "Физкультура и спорт". Всё больше рисует и пишет свой дом в Истре, цветы, Русь — природу. Читая письма и воспоминания мастера, видишь его недовольство собой. "Проспыл карикатуристом", — с раздражением пишет он о себе. Но плохо ли это? Карикатура — суть времени. "Ночь. Тьма. Сажу с папиросой и выглядываю в огоньк... Серый пепел создаёт причудливые лица, без предела разны. Огромное пережитое всё сконцентрировалось в созерцании пепла на огоньке папиросы — оно тлеет и угасало, осталось как-то выразить красками", — писал Мощевитин в одном из своих писем 1962 года. Ему уготовано ещё двенадцать лет — спокойно-созерцательных, в кругу семьи. А жизнь тогда была "со всем хорошая", как сказал Аркадий Гайдар, правда, по иному поводу...

Галина ИВАНКИНА

Обложка журнала «Туннель». 1925

Иллюстрация к роману Б. Брехта «Роман нищих». 1935

Мечта. 1921

Иллюстрация к повести А.И. Куприна «Суламифь». 1921

Танец. 1921

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII. E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/> Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97. Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 20 300

Заказ № 4533-2021

Дата выхода в свет — 14.07.2021 г. Подписано в печать 13.07.2021 г. в 15.00, по графику — в 15.00

Главный редактор
Александр ПРОХАНОВ